

Хозяйство обитателей неолитического и энеолитического поселения Ракушечный Яр

Белановская Т.Д.

Санкт-Петербургский университет

Проблемы палеоэкономики времен неолита и энеолита привлекали и привлекают внимание многих исследователей [Брюсов, 1956; Бибииков, 1965, 1967; Массой, 1976; Долуханов, Пашкевич, 1977; Коробкова, 1989; Шнирельман, 1989; Алексеев, 1989; Наумов, 1992; Кузьмина, 1993; Sahlins, 1972; Schlette, 1985; Zvelebit 1990; Zvelebil Dolukhanov, 1991].

Для выяснения характера хозяйства времени неолита и энеолита на юге нашей страны существенное значение имеет исследование микрорайонов, мало изученных в археологическом отношении, в частности, территории Нижнего Дона.

Ракушечный Яр отличается мощными культурными слоями, насыщенными разнообразными находками. Значительный материал, полученный в процессе полевых исследований, позволяет охарактеризовать хозяйство его обитателей как комплексное, включающее различные формы хозяйства; при этом собирательство, охота и рыболовство имели большое значение, особенно на ранних этапах существования поселения.

Выбор места поселения на берегу Дона – широкой полноводной реки, изобиловавшей рыбой, был весьма удачен; на ее берега приходили на водопой дикие животные. Окрестные пастбища способствовали разведению домашних животных, а плодородная почва – возникновению нацатков земледелия. Временами (видимо, в период разливов Дона) жители покидали поселение, о чем свидетельствуют стерильные прослойки, но затем вновь возвращались на это удобное место.

Рассматривая неолитические памятники южного ареала, вполне правомерно поставить вопрос о том, в какой степени они отражают процесс перехода от присваивающего (или добывающего) хозяйства к производящему, часто обозначаемый термином «неолитическая революция».

Е.Е.Кузьмина [Кузьмина, 1993] отмечает наличие комплексного производящего хозяйства на Ракушечном Яре, также как и в других культурах (буго-днестровской и сурской) и на некоторых памятниках Крыма, Каменной Могиле, Матвеевом Кургане и Джангаре, однако в хозяйстве обитателей Ракушечного Яра присваивающие формы (собирательство, охота и рыболовство) имели еще весьма существенное значение.

Собирательство документируется значительными скоплениями раковин, главным образом *Viviparus dilluvianus*, в меньшей степени – *Unio* и *Anadonta* (определение И.А.Коробкова). Слои раковин достигают местами мощности 0,5 м и содержат большое количество культурных остатков.

Скопления раковин известны и на других южных неолитических памятниках – Сурском острове [Даниленко, 1950] и Каменной Могиле [Бадер, 1950], а также на Среднем Дону [Синюк, 1986].

Раковины находили разнообразное применение. Моллюски, видимо, употребляли в пищу; толченые раковины использовались в качестве примеси при изготовлении керамики. Из раковин *Viviparus* с пробитыми отверстиями, сделанными, по определению И.А.Коробкова, искусственно, могли составлять ожерелья; аналогичные находки известны из Александровского палеолитического поселения [Рогачев, 1965].

Из створок раковин *Unio* делали штампы для нанесения орнамента на глиняную посуду.

Несомненно, обитатели Ракушечного Яра занимались сбором съедобных трав, плодов, ягод, корней.

О занятии охотой свидетельствуют находки костей диких животных (благородного оленя, косули, медведя, кабана, лисицы, зайца) и птиц, в том числе дикой утки (определения В.Е.Гарутта). Среди костей диких животных преобладают кости благородного оленя. Палео-зоологи отмечают, что в каменном веке объектом охоты являлся наиболее многочисленный вид животных, дающий большое количество мяса или представляющий наиболее легкую добычу; цель первобытных людей – получить больше мяса, затратив меньше труда [Ермолова, 1985]. Охота на благородного оленя вполне отвечала этой цели.

Находки обломков щита черепахи дают основание предполагать, что мясо черепах употреблялось в пищу, а щиты могли использоваться для изготовления орудий [Бибииков, 1949], украшений, штампов для нанесения орнамента на глиняную посуду [Левенок, 1965], а также в качестве сосудов [Даниленко, 1969]; черепаха могла также являться объектом культа. На неолитических памятниках щиты черепах представлены достаточно широко [Синюк, 1986].

Наконечники стрел – костяные (в том числе игловидные) и кремневые – немногочисленны (видимо, охотились преимущественно без применения лука).

Топография памятника, расположенного на берегу Дона – реки, изобиловавшей рыбой, позволяет предполагать значительный удельный вес в хозяйстве рыболовства, дававшего возможность добывать пищу почти круглый год. Рыболовство сыграло существенную роль в возникновении оседлости.

Найденные кости рыб, по определению Е.А.Цепкина, принадлежат сому *Siluris glanis* L., имевшему значительные размеры. Так, длина отдельных его особей достигала от 1 м до 1,5 м и доходила даже до 2,3-2,4 м. В настоящее время средняя длина этих рыб составляет 0,5-1,1 м [Световидов, 1948]. По данным А.Н.Световидова, возраст отдельных экземпляров составлял 10, 15 и 25 лет. Сходные результаты получены при анализе ихтиофауны из слоев эпохи бронзы Нижне-Гниловского городища [Вороненкова, Прохоров, 1963]. В древности изобилие рыбы, менее интенсивный ее улов, несколько иной режим водной среды способствовали длительности ее существования. Сом дает большое количество высококачественного мяса, поэтому он служил основным объектом ловли. Е.А.Цепкий [Цепкин, 1967] считает, что в европейской части СССР значительные изменения климата в течение голоцена оказали заметное влияние на видовой состав пресноводных рыб; в позднем голоцене уже не климатические факторы, а разнообразные формы хозяйственной деятельности человека оказывали прямое или косвенное влияние на фауну рыб.

Несомненно, обитатели Ракушечного Яра ловили, кроме сомов, и другую рыбу, например тарань (*Rutilus rutilus hecketi*) (определение Е.А. Цепкина).

О некоторых способах ловли имеются неоспоримые вещественные доказательства, о других можно говорить лишь предположительно, например, о ловле рыбы руками, известной по этнографическим данным [Thomazi, 1947].

Практиковались коллективный и индивидуальный способы ловли рыбы; первый имел, несомненно, большое промысловое значение, так как давал богатый улов; второй, хотя и не столь эффективный, обладал все же некоторыми преимуществами (возможность быстро менять позицию лова, пользоваться всеми водными бассейнами) [Семёнов, 1968].

По-видимому, одним из широко распространенных коллективных способов являлся лов рыбы сетями. Дж.Кларк [Кларк, 1953] считал сеть наиболее эффективной из всех рыболовных снастей, применявшихся с эпохи мезолита. В период неолита рыболовные сети использовались особенно широко. О применении их обитателями поселения Ракушечный Яр свидетельствуют находки каменных грузил. Л.Р.Нужье [Nougier, 1952] придавал большое значение находкам неолитических грузил, считая их показателями сложного хозяйства.

Всего на поселении Ракушечный Яр найдено 59 грузил.

Н.Н.Турина [Турина, 1950], характеризуя грузила, найденные на стоянке Вой-Наволоок 9 в Карелии, отмечала следующие их особенности: окатанность гальки, отсутствие на ней острых режущих граней, способных перерезать веревку или порвать сеть; округлость и в то же время достаточная уплощенность, способствующая более легкому просверливанию отверстия для крепления грузила; твердость породы камня; почти полное тождество в размере и весе всех грузил.

Первые три признака в полной мере присущи грузилам, найденным на Ракушечном Яре; что касается их размера и веса, то здесь наблюдается большое разнообразие, видимо, вызванное различными способами применения. По определению В.Д. Лебедева [Лебедев, 1960], более массивные грузила применялись на неводах, а более легкие – на сетях.

На поселении Ракушечный Яр найдено большое количество каменных рубящих и плотницких орудий. Исследователи [Кричевский, 1947; Хлобыстин, 1972] связывают появление их в неолите, в частности, с развитием рыболовства.

Об индивидуальном лове рыбы свидетельствует уникальная находка костяного рыболовного крючка.

Значимость и рациональность такого орудия ловли рыбы, как крючок, доказывается сохранением его лишь с небольшими изменениями до наших дней [Крижевская, 1985].

Находки рыболовных крючков на неолитических поселениях, как правило, единичны [Федоров, 1937], и Ракушечный Яр не представляет исключения в этом отношении; очевидно, индивидуальный лов не получил еще в то время широкого распространения, и практиковались преимущественно коллективные формы рыболовства.

Наряду с собирательством, охотой и рыболовством, игравшими большую роль в хозяйстве обитателей Ракушечного Яра, имело место разведение домашних животных, что свидетельствует о переходе к производящему хозяйству. Это был сложный, длительный процесс, протекавший по-разному в различных конкретно-исторических условиях [Шнирельман, 1989].

На Ракушечном Яре найдены кости таких домашних животных, как крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи, собаки и кошки (определения В.Е. Гарутта). По костям лошадей не всегда можно определить, принадлежат ли они к диким или домашним особям, поскольку в процессе домостикации костяк лошади изменялся меньше, чем у других животных. И.Б.Васильев и А.Т.Синюк считают коневодческую специализацию характерной для мариупольской культурно-исторической области, в которую входит и Ракушечный Яр, однако остеологический материал рассматриваемого памятника не дает оснований для такого заключения.

По слоям кости диких и домашних животных распределяются следующим образом (см. таблицу).

Необходимо учитывать, что кости сохраняются не полностью и далеко не все определимы. Количество определимых костей домашних животных, отсутствующих в самых нижних, весьма незначительных по мощности слоях, возрастает в более позднее время. Это, видимо, соответствует росту удельного веса скотоводства, хотя далеко не всегда количество костей определяет уровень развития скотоводства – так, при разведении скота с целью получения молочной продукции количество костей животных будет незначительно. В то же время множество мелких костей получается при добывании костного мозга.

Состав домашних животных, кости которых представлены на поселении Ракушечный Яр, свидетельствует о достаточно высоком уровне развития скотоводства. В количественном отношении преобладают кости крупного рогатого скота, что сближает Ракушечный Яр с Каменной Могилой, ранним Трипольем, культурой воронковидных сосудов и неолитом Румынии [Некрасова, Булаи, 1970].

Относительно происхождения скотоводства в рассматриваемом регионе существуют различные мнения. А.А.Формозов [Формозов, 1972] полагает, что решающая роль в сложении скотоводства на юге нашей страны принадлежала балканскому центру. В.А.Шнирельману [Шнирельман, 1972] кажутся вполне реальными кавказские истоки разведения мелкого рогатого скота на юге Восточной Европы, в частности в низовьях Дона.

Бесспорных доказательств наличия земледелия на поселении Ракушечный Яр пока нет – пыльцевой анализ не зафиксировал наличие пыльцы культурных растений, что, возможно, объясняется высокой карбонатностью почв Ракушечного Яра, отрицательно влияющей на сохранность пыльцевых оболочек. Роговые мотыги, единичные кремневые ножи со следами заполировки и зернотерки могли употребляться и при усложненном собирательстве. Возможно, обитатели поселения разводили корнеплоды или бахчевые культуры, не оставившие следов в культурном слое, а для обработки почвы использовали различные деревянные орудия [Краснов, 1971]. В то же время территориальная близость поселения Ракушечный Яр к Кавказу, который является одним из крупнейших центров становления раннего земледелия на территории СССР [Лисицына, Прищепенко, 1977], дает основания предполагать наличие земледелия в период неолита и энеолита на Нижнем Дону.

В ближайшем соседстве с Ракушечным Яром находится многослойное поселение Раздорское I, расположенное на противоположном правом берегу Дона [Кияшко, 1994]. Находки из нижнего, 1-го слоя этого поселения сходны с материалами Ракушечного Яра.

В 18 км к северо-востоку от Ракушечного Яра открыто многослойное Самсоновское поселение [Гей, 1979], I и II этапы которого сближаются по ряду признаков с поздними слоями Ракушечного Яра. Костные останки принадлежат как Диким (зубр, олень, заяц, бобр, тушканчик), так и домашним (корова, овца, лошадь (?)) животным, причем на II этапе количественно преобладают кости домашних животных.

Что касается среднедонской неолитической культуры [Синюк, 1986], то уже для ранних ступеней ее развития определяется комплексный характер экономики – в основе своей включающий присваивающие формы, среди которых ведущую роль играла охота, а уже затем – рыболовство и собирательство. В период развитого неолита хозяйственная структура племен среднедонской неолитической культуры сохранилась прежней.

Основные занятия неолитического и энеолитического населения, обитавшего на территории Украины, представляют довольно разнообразную картину.

Для поселения Каменная Могила характерно безраздельное преобладание крупного рогатого скота и незначительная роль охоты и рыбной ловли [Даниленко, 1969]. В сурско-днепровской культуре в ранний период развития преобладали кости дикого зверя, но в дальнейшем кости домашних животных достигли 50% от общего числа фаунистических остатков. Особое развитие получает рыболовство [Даниленко, 1969]. Носители днепро-донецкой культуры занимались охотой, рыболовством, собирательством, земледелием, скотоводством, причем на разных этапах развития и на различных территориях значение этих отраслей хозяйства не было одинаковым [Телегін, 1968]. Наиболее прогрессивной отраслью экономического развития буго-днестровской культуры являлось мотыжное земледелие, скотоводство играло меньшую роль [Даниленко, 1969]. У носителей среднестоговской культуры основное значение в хозяйстве имело скотоводство, особенно коневодство, вспомогательную роль играли земледелие, охота и рыболовство, причем в различных районах распространения этой культуры удельный вес той или иной отрасли хозяйства был далеко не одинаков, что определялось природными условиями и факторами социального порядка [Телегін, 1973].

Скотоводство и земледелие представлены в раннем Триполье в культуре Гумельница, в культуре воронковидных сосудов, в нижнем слое Михайловского поселения, в кемиобинской культуре [Бибиков, 1971].

Домашние промыслы (изготовление орудий труда, керамики, украшений) у обитателей Ракушечного Яра достигли весьма высокого уровня развития. Обмен (за исключением кремневого сырья) не имел решающего значения в экономике – обитатели поселения занимали своеобразную экологическую нишу и обеспечивали себе довольно высокий жизненный уровень, о чем свидетельствуют антропологические данные (мощное физическое развитие, значительная продолжительность жизни).

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 1, 2003 г.

Литература

- Алексеев В.П. Микроочаги, очаги и области влияния в окультуривании растений, поведенческие предпосылки в доместикации животных // ВДИ. 1989. № 1 (188). С. 111-114.
- Вадер О.Н. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции (1936, 1938, 1939 гг.) // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 176.
- Бибиков С.Н. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве поздне-палеолитических обществ Крыма // Учен. зап. ЛГУ. 1949. Вып. 13. № 85. С. 36.
- Бибиков С.Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья: Опыт изучения первобытной экономики // СА. 1965. № 1. С. 48-62.
- Бибиков С.Н. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии // Тезисы докл. Всесоюз. сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г. Кишинёв, 1967. С. 12-15.
- Бибиков С.Н. Ранній етап трипільської культури // Археологія Української РСР / Под ред. С.М. Бібікова. Київ, 1971. С. 161.
- Брюсов А.Я. Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху // СА. XXVI. 1956. С. 35-63.
- Вороненкова Л.Д., Прохоров В.Г. Об истории ихтиофауны Нижнего Дона (по материалам Нижне-Гниловского городища I-II вв. н. э.) // Зоол. журн. 1963. Т. XLII. Вып. 1. С. 145.
- Гей А.Н. Самсоновское многослойное поселение на Дону // СА. 1979. №3. С. 119-131.
- Гурина Н.Н. Техника изготовления грузил на стоянке Вой-Наволок 9 // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI. С. 181.
- Даниленко В.М. До питання про ранній неоліт південної Наддніпрянщини // Археологія. Т.І. Київ, 1950. С. 120.
- Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969.
- Долуханов П.М., Пашкевич Г.А. Палеогеографические рубежи верхнего плейстоцена-голоцена и развитие хозяйственных типов на юго-востоке Европы // Палеоэкология древнего человека / Под ред. И.К. Ивановой, Н.Д. Праслова. М., 1977.
- Ермолова Н.М. Охотничья деятельность человека // КСИИМК. 1985. Вып. 181. С. 10.
- Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V—III тысячелетиях до н.э.). Азов. 1994. С. 26-32.
- Кларк Дж.Г.Д. Доисторическая Европа. М., 1953.
- Коробкова Г.Ф. Предпосылки сложения производящего хозяйства в северо-западном Причерноморье // Первобытная археология / Под ред. С.С. Березанской. Киев, 1989. С. 63-76.
- Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 24-35.
- Крижевская Л.Я. Некоторые данные о рыболовстве эпохи мезолита-энеолита в степном и Урало-Поволжском районах РСФСР // КСИИМК. 1985. Вып. 181. С. 39.
- Кричевський Е.Ю. Ранній неоліт і походження трипільської культури // Палеоліт і неоліт України. Т.І. / Под ред. Л.М. Славина. Київ, 1947. С. 350.
- Кузьмина Е.Е. Дискуссионные проблемы периодизации развития скотоводческого хозяйства в степях Евразии // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала / Под ред. И.Б. Васильева. Екатеринбург, 1993.
- Лебедев В.Д. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. М., 1960. С. 145.

- Левенок В.П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА. 1965. № 131. С. 226.
- Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Наумов И.Н. О развитии производящего хозяйства в волго-донских степях // Древности. З.М., 1992. С. 99-114.
- Некрасов А.О., Булаи М. Скотоводство, охота и рыболовство в эпоху неолита в Румынии // Тр. VII МКАЭН / Под ред. Г.С. Масловой. М., 1970. С. 549.
- Рогачев А.Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону // МИА. 1965. № 45. С. 150.
- Световидов А.Н. К истории ихтиофауны р. Дона // МИА. 1948. № 8. С. 126.
- Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968. С. 339.
- Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С. 154.
- Телегін Д.Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968. С. 205.
- Телегін Д.Я. Середньостопвська культура епохи міді. Київ, 1973. С. 131-142.
- Федоров В.В. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени // СА. 1937. № 3. С. 101.
- Формозов А.А. К истории древнейшего скотоводства на юге СССР // Основные проблемы териологии / Под ред. А.А. Насимовича. М., 1972. С. 24.
- Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 32-33.
- Цепкин Е.А. Влияние изменений климата в голоцене на фауну рыб континентальных водоемов СССР // Научные доклады высшей школы. Биологические науки. № 8. 1967. С. 31.
- Шнирельман В.А. К истории древнейшего скотоводства на юге СССР // Основные проблемы териологии / Под ред. А.А. Насимовича. М., 1972. С. 177.
- Шнирельман В.А. Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки // ВДИ. 1989. № 1 (188). С. 99-111.
- Nougier L.R. Poid a peche neolithique (note complementaire) // Bulletin de la societe prehistorique Franchise. Vol. XLIX. 1952. P. 94.
- Sahtins M. Stone age economics. Chicago; New York, 1972.
- Schlette F. Die Entwicklung der Produktivkrafte im Meso- und Neolithikum // Produktivkrafte und Produktionsverhaltnisse in ur- und fruhgeschichtlicher Zeit. Berlin, 1985. S. 13-21.
- Thomazi A. Histoire de la pë che. Paris, 1947. P. 10-11.
- Zvelebit M. Mesolithic prelude and neolithic revolution // Hunters in transition. Cambridge, 1990. P. 5-16.
- Zvelebit M., Dolukhanov P. The transition to farming in Eastern and Northern Europe // Journal of World Prehistory. New York ; London. 1991. V. 5. № 3. P. 233-278.